

№ 45.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.
1915 г.

КХ 100
2

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
ЮЛЬ.

Башкиры въ Парижѣ въ 1814 г. Съ картины Виллевальде.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:
на годъ . 4 р. — к.
„ 1/2 года 2 „ — „
„ 1 мѣс. — „ 30 „
Перем. адреса 25 к.
Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

===== ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ. =====

Такса объявленій:

За строу, неопла-
ченные въ 1 стол-
бецъ:

(1/4 шир. стр.)

внѣр. текста . 90 к.
позади „ . 60 „

Постоянные заказы по
соглашенію.

№ 45—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Июль. =

ВЪ ОКЕАНѢ.

Хлепцутъ водяныя глыбы.

Зловѣще молчитъ ночь.

Но вотъ изъ бездны океана вытекаетъ золотая струя. Огненнымъ мечемъ разсѣкаетъ она синее молчаніе океана... Это лучи прожектора.

Трепетно шарить огненная рука, за-
жигая море фосфо-
рическими тонами.

На ярко освѣ-
щенной ряби моря
ясно обрисовыва-
ются тяжелыя тем-
ныя громады су-
довъ.

Въ разныхъ мѣ-
стахъ мгновенно
оскаливаются язы-
ки пламени, и глу-
хой ревъ вырывает-
ся изъ груди
океана. Это — во-
енный маршъ смер-
ти, разыгрываемый
стальными жерла-
ми орудій...

Ревъ обращает-
ся въ сплошной ре-

вучій стонъ, а въ небѣ разсыпается фатаморгана золо-
тыхъ траекторій, адская пляска дугъ и линий.

Снаряды рвутся и высоко, подъ звѣздами, и надъ во-
дой и въ самой безднѣ. И тогда изъ воды поднимается
цѣлый гейзеръ радужной водяной пыли.

Старый океанъ холодно катитъ свои волны. Небо
освѣщено, но горизонтъ еще чернѣе отъ этой гулкой
иллюминаціи...

Судовъ уже нѣтъ — они скрылись въ клубахъ ды-
ма. Только адскій звонъ орудій свидѣтельствуешь объ
ихъ страшной энергіи... Звенить воздухъ, поетъ дальній
мысль.

Какія-то сигароподобныя тѣни появляются на по-
верхности моря...

Суда передвигаются въ одномъ направленіи. Вмѣстѣ
съ ними передвигаются и траекторіи.

Зато здѣсь, на черномъ фонѣ океана, совершается
жертвоприношеніе: нѣтъ дыма, виденъ только остовъ

судна. Красавецъ
крейсеръ легъ на
бокъ и медленно
погружается въ во-
ду. Печально гу-
дитъ свистокъ...
Океанъ слушаетъ.

Но невозмутимо
старое море. По-
смотрите, какъ
ласково рукопле-
шетъ оно просто-
ру на томъ самомъ
мѣстѣ, гдѣ завер-
шилась эта вечер-
няя «месса» гипе-
лью крейсера!

Море невозмути-
мо, потому что
оно бездушно. За-
то вотъ эти ма-
ленькіе точки —
шлюпки насыщены

напряженной жизнью. Въ нихъ люди: И какъ-бы ни
былъ могущественъ океанъ, онъ слѣпъ; о они видятъ;
и душа ихъ переполнена «безумствомъ», которое при-
надлежитъ только храбрымъ.

«Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!»

Петръ Безпаловъ.

ГРОЗА МОРЕЙ.

(Изъ морскихъ войнъ далекаго прошлаго. Съ рис.).

Жакъ Кассаръ родился въ 1672 г.
въ Нантѣ. Отецъ его былъ шкиперъ.

Жакъ Кассаръ не имѣлъ брать-
евъ, но у него были четыре сестры,
изъ которыхъ только одна вышла

замужъ, а прочія остались старыми
дѣвушками.

Рано лишившись отца, Жакъ
Кассаръ поступилъ юнгой на крей-
серскій корабль и скоро обратилъ

на себя вниманіе способностями и
храбростью.

Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ
сдѣлался капитаномъ и отличался
необыкновенной энергіей. Въ абор-
дажномъ бою онъ всегда былъ пер-
вымъ и впереди всѣхъ воѣгалъ на
непріятельскій корабль.

Кромѣ того, онъ умѣлъ править
рулемъ какъ никто, и въ случаѣ бу-

ИМПЕРАТОРСКИЙ
МОСКОВСКИЙ РАЙОНОВСКИЙ
МУЗЕЙ

ри, или вообще какой-либо опасности, всегда самъ брался за руль и велъ корабль, громко командуя въ рупоръ.

Вскорѣ слава о немъ пронеслась по всей Франціи. Имя знаменитаго корсара сдѣлалось извѣстнымъ самому королю, который сталъ давать ему разныя порученія. Между прочимъ, Жакъ Кассаръ на собственные средства снарядилъ два корабля *Sérieux* и *Eclatant* и взялъ съ ними множество призовъ, поступившихъ въ казну.

Изъ наиболѣе громкихъ его подвиговъ отмѣтимъ слѣдующіе, совершенные имъ во время войны за испанское наслѣдство.

Однажды, проходя съ небольшой эскадрой въ Америку мимо португальскихъ острововъ Зеленаго мыса, онъ задумалъ напасть на Рибейра-Гранде, главный городъ острова Сантъ-Яго. До города можно было добраться лишь черезъ тѣсное ущелье, и защищали его 12000 человекъ, способныхъ носить оружіе; но Кассаръ, презирая опасность, высадился на берегъ и съ частью своей морской пѣхоты быстро двинулся впередъ.

Неожиданно явившись подъ стѣнами города, онъ навелъ ужасъ на жителей, которые и поспѣшили заплатить смѣлому корсару большую контрибуцію.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ нападеніе на Голландскую Гвиану и выступилъ противъ города Суринама.

Ночью окруживъ городъ своими войсками, онъ открылъ противъ него жестокую бомбардировку.

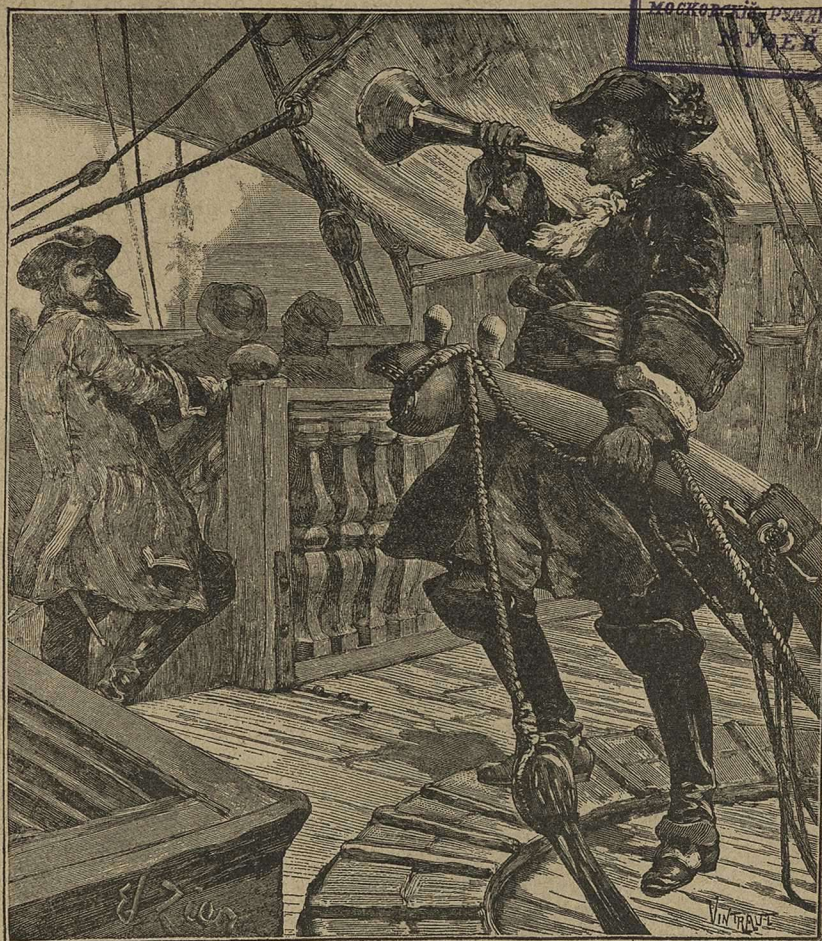
Голландцы смирились и заплатили Кассару 2,400,000 франковъ контрибуціи.

Наконецъ, такой же точно участи Жакъ Кассаръ подвергъ островъ Кюрасо, хотя самъ получилъ при этомъ довольно серьезную рану.

По окончаніи войны французовъ съ англичанами и голландцами, Жакъ Кассаръ сталъ требовать съ города Марселя плату за конвоированіе кораблей, приписанныхъ къ марсельскому порту, и подѣ конвоемъ Кассара счастливо провозившихъ въ Марсель и изъ Марселя богатые грузы.

Городское управленіе отказало ему въ этомъ. Кассаръ затѣялъ съ городомъ тяжбу, которую проигралъ во всѣхъ инстанціяхъ, истративъ на нее всѣ свои деньги.

Тогда Жакъ Кассаръ поѣхалъ въ Парижъ и бросился къ кардиналу

«Кромѣ того, онъ умѣлъ править рулемъ, какъ никто, и въ случаѣ бури или, вообще, какой-либо опасности, всегда самъ брался за руль и велъ корабль, громко командуя въ рупоръ.

(Къ очерку «Гроза морей»).

Дюбуа, всесильному тогда министру, просить заступничества.

Но онъ не сумѣлъ взяться за дѣло и, не обладая мягкостью манеръ и сдержанностью языка, наговорилъ кардиналу Дюбуа рѣзкостей, какъ настоящій морской волкъ.

Мелочно-самолюбивый кардиналъ-министръ не умѣлъ прощать оскорбленій. Онъ тутъ же, у себя въ приемной, распорядился арестовать «буяна» и отправить его въ крѣпость Гамъ въ качествѣ государственнаго преступника.

Въ закрытой каретѣ, подѣ сильнымъ конвоемъ, Кассара привезли въ крѣпость и сдали коменданту.

Узнику отвели тѣсную коморку, въ которой стояли кровать, столъ и стулъ, и приставили къ нему спеціального тюремщика.

Этимъ тюремщикомъ оказался матросъ съ брига *Eclatant*, по имени Бернарь.

Кассаръ сейчасъ же узналъ своего бывшаго подчиненнаго.

— Бернарь!—вскричалъ онъ.—Дружище, ты какъ здѣсь?..

— Нужда заставила, — отвѣчалъ со слезами матросъ. — Я, какъ вамъ извѣстно, получилъ на войнѣ увѣчье. Служить больше не могу... А ѣсть и пить надо... Вотъ я и принялъ это мѣсто.

— Что жъ, я тебя не осуждаю... Только вотъ что: ты забудь, что я былъ когда-то твоимъ капитаномъ, и сторожки меня какъ слѣдуетъ. Если замѣтятъ, что ты со мной слабъ, тебя прогонятъ, и ты опять останешься безъ крова и хлѣба, а этого я не хочу.

Нѣсколько дней спустя какая-то бѣдно одѣтая женщина, съ заплаканнымъ лицомъ, явилась къ коменданту, умоляя дозволить ей повидѣться съ братомъ своимъ, Жакомъ Кассаромъ, но свиданіе не было ей разрѣшено.

Прошло четырнадцать лѣтъ.

Однажды вечеромъ (это было въ 1740 г.) военный врачъ Гамской крѣпости получилъ приказаніе немедленно явиться для оказанія медицинской помощи арестанту.

Жакъ Кассаръ лежалъ на постели. Подлѣ на столикѣ горѣла лампа, а въ креслѣ, закрывъ лицо руками, сидѣлъ Бернаръ и горько плакалъ. Разъ двадцать за все это время старый матросъ предлагалъ своему узнику бѣжать изъ крѣпости, но тотъ постоянно и упорно отказывался.

Докторъ пощупалъ пульсъ у больного.

— Ну, что онъ? Какъ? — спросилъ онъ Бернара.

умерли), впала въ крайнюю бѣдность съ тѣхъ поръ, какъ ея брата заточили въ Гамъ, и жила милостыней. Она каждый день приходила къ воротамъ крѣпости и горячо молилась за брата.

Черезъ полчаса послѣ своего ухода Бернаръ вернулся въ казематъ, но не одинъ, а съ блѣдной изможденной женщиной, одѣтой въ жалкое рубище.

— Вотъ онъ, — сказалъ Бернаръ, — я сдержалъ свое слово.

Мадлена бросилась къ постели умирающаго.

— О, мой братъ, дорогой мой братъ!.. Четырнадцать лѣтъ я не видела тебя.

Кассаръ вдругъ приподнялся, сверкая глазами:

— Варвары!.. Какая утонченная жестокость!.. Четырнадцать лѣтъ томить въ тюрьмѣ меня, которому и на материкѣ-то казалось тѣсно, который всегда желалъ простора морей!.. И за что?.. Окаянный кардиналъ! Будь онъ проклятъ!

— Братъ, успокойся!..

— Слушай, сестра, я не могу больше... Достань и принеси мнѣ сюда пистолетъ.. Нѣтъ силъ долѣе терпѣть, я хочу размножить себѣ голову...

Онъ вдругъ задохнулся и откинулся опять на подушки. Взглядъ его сдѣлался мутенъ и неподвиженъ. Дыханіе съ хрипомъ вылетало изъ груди, все тѣло конвульсивно вздрагивало.

— Боже мой!.. Онъ умираетъ!..

Мадлена встала на колѣни у кровати. Кассаръ вдругъ вытянулся и сталъ неподвиженъ.

Мадлена зарыдала во весь голосъ. Часовые подняли тревогу. Бернаръ сидѣлъ, закрывъ лицо руками, и ничего не замѣчалъ.

Явился комендантъ.

— Это что за женщина? — спросилъ онъ.

— Это сестра моего капитана. Я привелъ ее, чтобы она простилась съ умирающимъ братомъ.

— Такъ онъ умеръ? Ну, хорошо. А ты, Бернаръ, слушай: ты нарушилъ строгое запрещеніе. Благодарю Бога, что я только выгоню тебя со службы, а не отдаю подъ судъ. Чтобы нынче же тебя здѣсь не было!

Бернаръ прикрылъ тѣло своего капитана одѣяломъ и вышелъ, уведя съ собой и Мадлену...

Несчастная сестра Кассара умерла въ нищетѣ. Матросъ-инвалидъ питался подаянiемъ до самой своей смерти.

Потомство загладило несправедливость современниковъ.

Кассару поставлена въ Нантѣ статуя, именемъ его названа одна изъ набережныхъ въ городѣ.

Изъ войнъ англичанъ въ Суданѣ. Отбитіе англійской кавалеріей обоза у непріятеля.

— Съ самаго утра лежить въ забиты, — отвѣчалъ смущенный матросъ.

— Странно... А вы давали ему лѣкарство, которое я прописалъ?

— Какъ же, докторъ, только оно не подѣйствовало.

Докторъ прописалъ новый рецептъ и ушелъ, а Бернаръ приблизился къ постели умирающаго и, схвативъ его руку, покрывъ ее поцѣлуями.

— Бѣдный капитанъ!.. Тюремное заключеніе убило его!.. Теперь пришла пора исполнить обѣщаніе, которое я далъ...

И матросъ съ таинственнымъ видомъ вышелъ во дворъ.

Сестра Кассара, Мадлена (у него она осталась одна; прочія его сестры

Больной пошевелился и слабымъ голосомъ произнесъ:

— Что это за шумъ?.. Кто здѣсь?

— Это я, твоя сестра Мадлена.

— Мадлена!.. Я тебя вижу!.. Стало быть, меня освободили?.. О, сестра, увези же меня отсюда поскорѣе!.. Покажи мнѣ море...

Мадлена молча указала брату на стѣны тюрьмы.

— О! Понимаю! — продолжалъ больной. — Я все еще не свободенъ!.. Но какимъ же образомъ ты здѣсь?

— Меня провель Бернаръ.

— Какъ?.. Онъ нарушилъ свой долгъ!..

— Не брани его. Онъ это сдѣлалъ только потому, что ты боленъ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЕ ВОЕН- НЫЕ АНЕКДОТЫ.

Когда афинскій полководец Харесъ хвастался публично ранами, имъ полученными, и показывалъ между прочимъ, щить свой, пронзенный копьемъ, Тимофеей замѣтилъ:

— «Я, когда осаждалъ Самось, былъ очень пристыженъ, увидѣвъ стрѣлу, упавшую возлѣ меня; она мнѣ показала, что я выскочилъ слишкомъ впередъ для предводителя».

Когда Крассъ, идя на парфянъ, прибылъ въ Галатію, онъ нашелъ тамъ престарѣлаго царя Дейотара, занятого перестройкой своей столицы.

— «Какъ, государь, — сказала онъ, — ты начинаешь строиться вечеромъ» (т. е. передъ смертью)?

— А ты, — возразилъ царь, — мнѣ кажется, что тоже не особенно удачно выбралъ время для войны съ парфянами».

Крассу тогда было шестьдесятъ лѣтъ и онъ казался еще старѣе своего возраста.

Артаксерксъ, тѣснимый въ Мал. Азіи Агезилаемъ, отправилъ въ главные греческіе города пословъ, которые и устроили съ помощью подарковъ могущественный союзъ противъ лакедемонянъ.

Когда Спарта должна была для собственной безопасности отозвать изъ Азіи Агезилая домой, — онъ сказалъ:

— «Меня гонятъ отсюда тридцать тысячъ стрѣлковъ персидскаго царя!»

На персидскихъ монетахъ было вычеканено изображеніе стрѣлка изъ лука.

Одинъ городъ, осажденный Александромъ, послалъ къ нему выборныхъ, чтобы перговорить о сдачѣ.

Старѣйшій изъ нихъ, Акуфисъ, спросилъ царя, на какихъ условіяхъ онъ согласенъ пощадить городъ.

— «При условіи, — сказалъ тотъ, — чтобы ты принялъ на себя управленіе и прислалъ бы мнѣ сюда въ лагерь сто вашихъ лучшихъ гражданъ».

— «Государь, — возразилъ Акуфисъ, — я бы лучше управлялъ, еслибы ты позволилъ мнѣ прислать сотню самыхъ плохихъ гражданъ вмѣсто лучшихъ».

*Испано-Американская война изъ-за острова Кубы въ 1898 году.
Испанскія войска въ Санъ-Хуанѣ.*

Во время сраженія одинъ молодой воинъ въ порывѣ мужества выдался впередъ изъ своего отряда, но вскорѣ отступилъ передъ натискомъ непріятеля и снова занялъ свое мѣсто въ рядахъ.

— «Не стыдно ли тебѣ, — закричалъ ему Фокіонъ, — лишиться подрядъ двухъ мѣстъ: того, на которомъ ты былъ поставленъ начальникомъ, и того, которое ты занялъ самъ!»

Тотъ же Фокіонъ боялся задорнаго духа афинянъ и постоянно предостерегалъ согражданъ отъ опасностей, грозившихъ оттого отечеству. Такъ однажды онъ старался отклонить ихъ отъ войны, которая была однако, уже рѣшена; нѣсколько вре-

мени спустя ему принесли извѣстіе о блестящей побѣдѣ.

— «Не хотѣлъ ли бы ты самъ одержать ее?» — спросили его.

— «Да, конечно, но я хотѣлъ бы одинаково давать такіе же совѣты, какіе дѣйствительно далъ».

МОРСКОЙ БОЙ ПРИ АЕОНѢ.

(Страничка изъ славнаго прошлаго
русскаго флота).

Въ началѣ 1807 года у насъ началась война съ Турціей.

Обезпечивъ по повелѣнію изъ Петрограда охрану Адриатическаго моря, Сенявинъ, съ 8 кораблями и фрегатомъ, перешолъ въ Архипелагъ и 8 марта занялъ съ бою

Старинное польское вооружение.

островъ Тенедосъ, избранный имъ какъ важный стратегическій пунктъ для блокады Дарданеллъ.

Греки, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе прихода нашего флота съ частью войска въ ихъ воды, возстали поголовно противъ своихъ притѣснителей-турокъ, вооружили пушками 20 судовъ и отдали ихъ въ распоряженіе Сеньявина, который стошелъ въ это время съ флотомъ къ острову Имбро, гдѣ присоединились къ нему пришедшіе изъ Адриатики два корабля.

Султанъ, узнавъ о потерѣ Тенедоса, вызвалъ флотъ изъ Дарданеллъ съ неперемѣннымъ приказаніемъ выбить оттуда русскихъ.

Повинуясь повелѣнію, паша высадилъ на островъ десантъ 8 мая и удалился въ проливъ.

Сеньявинъ усилилъ блокаду пролива, и 10 мая, едва турки показались снова въ морѣ, напалъ на нихъ и прогналъ обратно.

Бѣгство было настолько горопливо, что три непріятельскихъ корабля приткнулись къ мели.

Султанъ былъ настолько озлобленъ неудачей, что приказалъ повѣсить вице-адмирала и двухъ капитановъ, а Сеньявинъ, недовольный этой небольшой побѣдой, рѣшился неперемѣнно побить турокъ при первомъ удобномъ случаѣ, и на первый разъ усилилъ блокаду пролива.

Подвозъ провіанта къ Константинополю прекратился, насталъ голодъ.

Султанъ повелѣлъ флоту разрушить блокаду во что-бы то ни стало и уничтожить нашъ флотъ.

Турки вышли снова изъ пролива.

Узнавъ объ этомъ, Сеньявинъ 18 июня со своимъ флотомъ, изъ 10

кораблей, пошелъ на поиски непріятеля и нашелъ его на другой день близъ Аѳонской горы въ числѣ 10 кораблей, 5 фрегатовъ и 5 маленькихъ судовъ.

Хотя у турокъ было 1196 пушекъ, а у насъ всего 754, но Сеньявинъ не устрасился превосходства и, зная хорошо, что удача боя зависить отъ распоряженій начальниковъ, отдалъ приказъ, чтобы во 1) драться на пистолетный выстрѣлъ, а во 2) каждый непріятельскій адмиральскій корабль былъ-бы атакованъ двумя нашими; остальные-же корабли должны нападать прежде всего на непріятельскій арьергардъ (т. е. задніе корабли).

Было 8 часовъ утра, когда флоты сблизились и началось всеобщее сраженіе.

Турки защищались отчаянно, но на нашей сторонѣ было искусство.

Самъ Сеньявинъ напалъ на передовой фрегатъ, скоро избилъ его такъ, что онъ легъ въ дрейфъ, т. е. почти остановился; слѣдовавшіе за нимъ корабли наскочили одинъ на другой, линія баталіи разстроилась и съ этого момента началось пораженіе.

Къ полдню избитые турецкіе корабли начали уклоняться отъ боя, а къ вечеру обратились въ постыдное бѣгство.

Эпизоды міровой войны 1914—15.

БОЙ ВЪ ВОЗДУХЪ.

Интересный рассказъ о воздушной атакѣ былъ сообщенъ королею Александрѣ однимъ изъ англійскихъ саперъ въ то время, когда онъ лежалъ въ лондонскомъ госпиталѣ.

Надъ англійскими войсками, отдыхавшими послѣ сраженія, бывшаго наканунѣ, поднялся германскій аэропланъ и сталъ подавать сигналы въ нѣмецкій лагерь.

Немедленно въ воздухъ поднялись два аэроплана съ англійскими и французскими пилотами. Поднявшись съ громадной быстротой, они имѣли намѣреніе атаковать врага.

Войска напряженно слѣдили за попытками атаки и намѣреніемъ противника скрыться отъ опасности.

Нападавшіе стремились занять доминирующее положеніе для удоб-

ства нападенія. Описывая круги, всѣ они почти скрылись изъ глазъ, когда солдаты увидѣли англійскаго авіатора надъ противникомъ. Сейчасъ же послѣдовалъ слабый звукъ выстрѣла, долетавшій съ высоты, и немедленно германскій аэропланъ началъ спускаться правильными кругами, находясь, очевидно, въ рукахъ опытнаго пилота.

Опустившись, машина коснулась земли съ легкимъ сотрясеніемъ, и пробѣжавъ немного, остановилась. Бросившіеся туда англійскіе солдаты, къ своему удивленію, увидѣли, что пилотъ былъ мертвъ. Англичанинъ мѣткимъ выстрѣломъ поразилъ германца въ голову. Въ предсмертные моменты послѣдній сталъ спускаться, безъ сомнѣнія, инстинктивно управляя машиной, и аппаратъ опустился уже съ мертвымъ пилотомъ.

Старинное польское вооружение.

НѢМЕЦКІЕ „ФАКТЫ“.

Досужій статистикъ, получающій время отъ времени нѣмецкія газеты различныхъ лагерей и оттѣнковъ, подсчиталъ нѣкоторыя «фактическія» данныя, сообщавшіяся этими газетами. Эти данныя какъ нельзя лучше подтверждаютъ достовѣрность свѣдѣній, которыми успокаиваютъ населеніе Германіи германскія власти.

На первомъ мѣстѣ король Бельгійцевъ Альбертъ, котораго такъ страстно ненавидятъ германскіе ге-

нералы. Онъ уже 21 разъ убить нѣмецкими солдатами въ разныхъ бояхъ, причемъ въ 7 случаяхъ въ одинъ и тотъ же день въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ. 15 января 1915 г. онъ убить взорвавшимся фугасомъ на берегу Изерскаго канала, заколотъ въ атакѣ германскимъ гвардейцемъ Гансомъ Трапомъ въ бою у деревни Мооте, сбитъ огнемъ нѣмецкой артиллеріи вмѣстѣ съ аэропланомъ, производившимъ развѣдку, и потопленъ вмѣстѣ съ паромомъ на Изерѣ.

За королемъ Альбертомъ слѣдуетъ англійскій король Георгъ. Король, по сообщенію нѣмецкихъ газетъ, убить три раза: разъ — индусами, второй разъ — взрывомъ бом-

ПОЛТИНУ ДАЛЪ.

Какой-то развѣдчикъ недавно привелъ съ собою полонешнаго имъ нѣмца. «Ну, и молодчина, — говорили, — уже дза Георгіевскихъ креста заслужилъ».

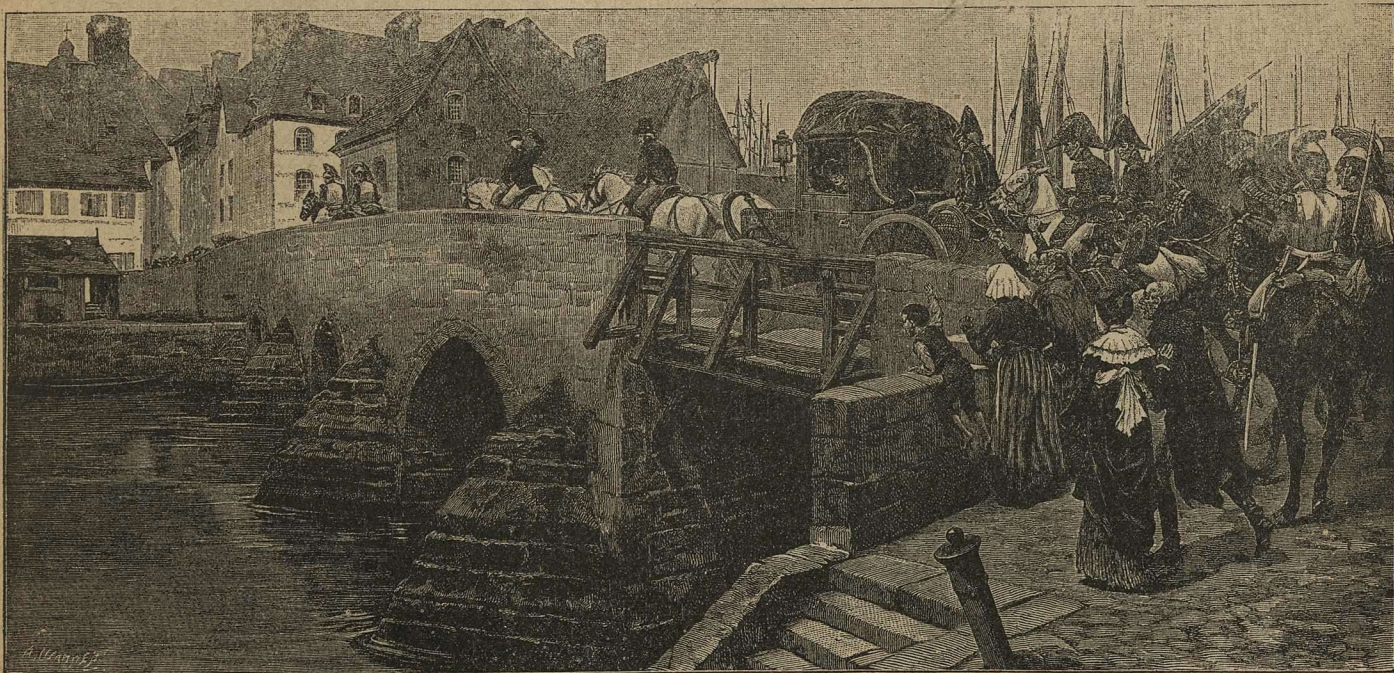
— Пошли мы, значить, на развѣдку, насъ было двое. Вотъ идемъ это мы тихо. Вдругъ мы видимъ нѣмцевъ; ихъ было человекъ восемь. Мы съ товарищемъ грянули «ура» на разные голоса, какъ будто насъ много, и бросили въ нихъ ручную гранату. Они, значить, нацѣлились, мы тоже нацѣлились, а потомъ вскочили, да изъ винтовокъ, 2-хъ убили, одного ранили, остальные разбѣжались. Взяли мы раненаго — въ ухо

ему попали — и спрашиваемъ: «ну что, не сердись, нѣмецъ?» А онъ что-то лопочетъ, ничего не понимаетъ.

Нашъ герой, за то, что ранилъ нѣмца, далъ послѣдному полтинникъ и говоритъ ему: «на, возьми, да не сердись». Но нѣмецъ за его любезность далъ ему двѣ марки. Какъ видно, онъ былъ очень радъ, что попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, и на радостяхъ рассказалъ все, что у нихъ дѣлается, сколько войска, кто командуетъ и т. д.

Герой нашъ былъ очень радъ, что «поговорилъ съ нѣмцемъ», и что онъ на него не сердится.

— Навѣрно, не сердится. Вѣдь я ему полтину далъ.

Прибытіе Наполеона въ Рошфоръ послѣ пораженія при Ватерлоо въ 1815 г. Карт. англійскаго художн. С. Рау.

бы, брошенной съ германскаго цепелина, и въ третій — ожесточеннымъ артиллерійскимъ обстрѣломъ во время посѣщенія дѣйствующей арміи.

Принцъ Уэльскій во время боя у Невъ-Шапелль былъ убиваемъ каждый день въ теченіе одиннадцатидневнаго сраженія въ этомъ районѣ.

Генераль Жоффръ одинъ разъ умеръ отъ тифа, два раза отъ взорвавшейся шрапнели, одинъ разъ на фугасѣ и пять разъ отъ покушенія анархистовъ.

Генераль По, какъ испытанный боевой генераль, былъ убить бѣ бояхъ въ Шампани, на рѣкѣ Энѣ, на Марнѣ и подъ Парижемъ.

ШКОЛА ШПІОНАЖА.

Въ Германіи существуютъ спеціальныя школы для обученія шпіонству, или секретныя университеты, въ которыхъ профессора-спеціалисты обучаютъ учениковъ способамъ и методамъ. Наиболѣе удобнымъ для проникновенія въ военныя сферы для вывѣдыванія военныхъ секретовъ.

Наиболѣе цвѣтущей изъ школъ была школа въ Lörrach'ѣ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.

Наборъ учениковъ производился по издавна установленному способу,

черезъ анонсы въ газетахъ слѣдующаго содержания:

«Очень доходное мѣсто для лицъ, на которыхъ можно положиться, хорошо владѣющихъ французскимъ, русскимъ или англійскимъ языками».

«Университетъ» въ Lörrach допускалъ и женщинъ въ число учениковъ, и онѣ даже превышали число мужчинъ.

При поступленіи каждый долженъ былъ предстать передъ, такъ называемымъ комиссаромъ, который

Турція переживаєть острый кризисъ изъ-за недостатка снарядовъ.
(Изъ газетъ).

СУЛТАНЪ. Мой больной лѣкарства просить!

КАЙЗЕРЪ. Лѣкарей еще могу прислать, а насчетъ лѣкарства извините, мнѣ самому начинается нездоровиться.

былъ въ дѣйствительности офицеромъ нѣмецкой арміи. Тотъ ихъ экзаменовалъ и производилъ форменный допросъ.

Обученіе было теоретическое и практическое вмѣстѣ. По акварельнымъ картамъ тщательно изучали мундиры французской, русской и англійской арміи. Показывали ученикамъ фотографическіе снимки нашихъ (и нашихъ союзниковъ) пушекъ, ружей, пулеметовъ, снарядовъ и т. п.

Затѣмъ переходили къ внутренней организации арміи: составъ, гарнизоны, укрѣпленные пункты.

Специалисты-техники объясняли ученикамъ стратегическое использование желѣзнодорожныхъ линій, значеніе и роль вокзаловъ во время мобилизации и т. п.

Особенно тщательное вниманіе удѣлялось способамъ секретныхъ записей добытыхъ свѣдѣній. Между

прочимъ, одинъ изъ способовъ слѣдующій:

Допустимъ, шпіонъ осмотрѣлъ городъ N., обнаружилъ тамъ четыре пѣхотныхъ полка, два кавалерійскихъ и одинъ артиллерійскій полкъ. На справочной книжкѣ желѣзныхъ дорогъ онъ подчеркиваетъ названіе города N.; затѣмъ на той же страницѣ онъ отмѣчаетъ условнымъ знакомъ цифры 4, 2 и 1.

Получивши дипломъ объ окончаніи «университета», шпіонъ снабжается подложными документами и паспортомъ, и всѣмъ тѣмъ, что могло облегчить неофиту достиженіе цѣли. Онъ получалъ деньги и порученіе.

— Возвращайтесь возможно скорѣе для устнаго отчета.

И добавляли:

— Добейтесь успѣха, не пренебрегая никакими средствами. За это вы будете хорошо вознаграждены.

Но если вы себя скомпрометируете, тѣмъ хуже для васъ. Мы отъ васъ безусловно отречемся.

Такова была образцовая школа шпіонажа, устроенная въ Баденскомъ герцогствѣ въ г. Lörrach.

Бѣгство изъ плѣна.

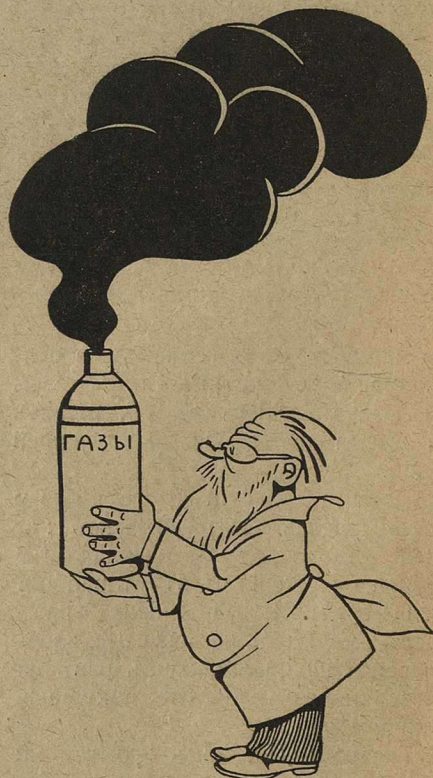
(Эпизодъ изъ Великой Сѣверной войны).

Весною 1710 г., шведскій гарнизонъ крѣпости Выборга сдался на капитуляцію русскимъ войскамъ.

Въ числѣ приведенныхъ въ Петроградъ военно-плѣнныхъ оказался инженерный офицеръ, лейтенантъ Лаврентій Стобеусъ, съ молодою женою Екатериною и маленькимъ сыномъ.

Петръ I велѣлъ отправить Стобеуса въ Архангельскъ, со строгимъ приказаніемъ губернатору этого города держать плѣнника подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ.

Въ Архангельскѣ Стобеусъ встрѣтилъ многихъ другихъ шведовъ, попавшихъ туда подобнымъ же образомъ, и между ними капитана волонтеровъ Ганса Думки, который, благодаря своему знанію русскаго языка, оказался чрезвычайно полезнымъ для своихъ товарищей по несчастью.

Иллюстрація къ фразѣ кайзера:

— «Германская наука всегда несетъ народамъ факель культуры.

Надзоръ за плѣнными былъ здѣсь гораздо строже, чѣмъ въ другихъ русскихъ городахъ.

Такъ какъ деньги, присылаемыя съ родины, доходили до шведовъ очень поздно и подолгу совсѣмъ не получались, то имъ приходилось жить очень скромно, и чтобы какъ-нибудь добыть себѣ небольшія средства къ жизни, они старались удовлетворять свои скромныя потребности, какъ умѣли, сами.

Одинъ изъ шведовъ, имѣвшій кое-какія познанія въ медицинѣ, знавшій, какъ пускать кровь, дѣлать перевязки и править кости, былъ часто приглашаемъ русскими въ качествѣ врача.

Онъ выстроилъ небольшую лавочку, откуда продавалъ лѣкарства своего собственнаго приготовленія. Въ содержаніи этой лавочки участвовалъ вышеупомянутый Думки, варившій пиво и гнавшій спиртъ.

Скоро дѣла компаніи наладились, и она стала снабжать своими издѣліями не только жителей Архангельска, но и остальныхъ военнопленныхъ шведовъ.

Помѣщеніе лавочки дѣлилось на двѣ части: привакомъ, сзади котораго стоялъ скелетъ, служившій не только аптекарской вывѣской, но вмѣстѣ и пугаломъ для тѣхъ, кто желалъ бы попользоваться привлекательными напитками шведскаго издѣлія.

Этотъ скелетъ былъ устроенъ такъ, что когда отворялась дверь, онъ шевелилъ руками и ногами.

Кромѣ скелета хозяева держали въ томъ же помѣщеніи укрѣпленный на полу большой компасъ, стрѣлка котораго приходила въ сильное колебаніе при приближеніи аптекаря или пивовара носившихъ подъ платьемъ небольшіе куски желѣза.

Такіе фокусы внушали суевѣрнымъ страхъ невѣжественнымъ посѣтителямъ заведенія, считавшимъ владѣльцевъ его за людей, знавшихъ съ нечистымъ. Къ числу болѣе частыхъ посѣтителей принадлежалъ и самъ губернаторъ города.

Однажды онъ явился къ нимъ въ сопровожденіи ручного медвѣдя, ходившаго за нимъ какъ собака.

Отъ времени до времени попадала порція пива и медвѣдю, который мало-помалу очень привыкъ къ этому напитку, такъ что иногда являлся въ лавочку одинъ и не уходилъ, не получивъ достаточнаго угощенія.

На этомъ обстоятельствѣ и былъ составленъ планъ освобожденія Стобеуса.

Въ виду строгаго приказа неукоснительно наблюдать за плѣннымъ, послѣднему нельзя было отлучиться изъ города даже и на одинъ день, не будучи замѣненнымъ.

Госпожа Стобеусъ раздѣляла сначала плѣнъ мужа, но, когда она начала страдать тоскою по родинѣ и чуть не слегла отъ нея въ постель, мужъ убѣдилъ ее вернуться въ Швецію съ полковникомъ Гилленстеномъ, однимъ изъ его товарищей по плѣну, попавшимъ въ число подлежащихъ размѣну.

Одному изъ друзей, оставшихся на родинѣ, нѣкому Андрею Гилленроту

недоброе, и тѣмъ живѣе сталъ чувствовать необходимость во что бы то ни стало освободиться изъ плѣна и самому убѣдиться въ истинѣ.

Самые близкіе друзья его сообщали придумывали различные планы побѣга, но всѣ они найдены были неосуществимыми. Остановиться пришлось только на планѣ, который пришелъ въ голову Думки и основывался на пристрастіи медвѣдя къ пиву. Планъ этотъ былъ выполненъ слѣдующимъ образомъ.

Медвѣдя по-прежнему угощали всякій разъ, какъ онъ являлся въ лавочку, но только съ каждымъ разомъ примѣшивали къ пиву все больше и больше спирта, такъ что звѣрь часто напивался до-пьяна и засыпалъ.

Въ одно изъ подобныхъ поѣщеній шведы воспользовались такимъ состояніемъ медвѣдя: они размозжили ему голову и трупъ скрыли въ погребѣ.

Хозяинъ пробовалъ было разыскивать Мишку, но, такъ какъ никто не могъ сказать куда онъ ушелъ, большинство было того мнѣнія, что звѣрь убѣжалъ въ лѣсъ. На этомъ и порѣшили.

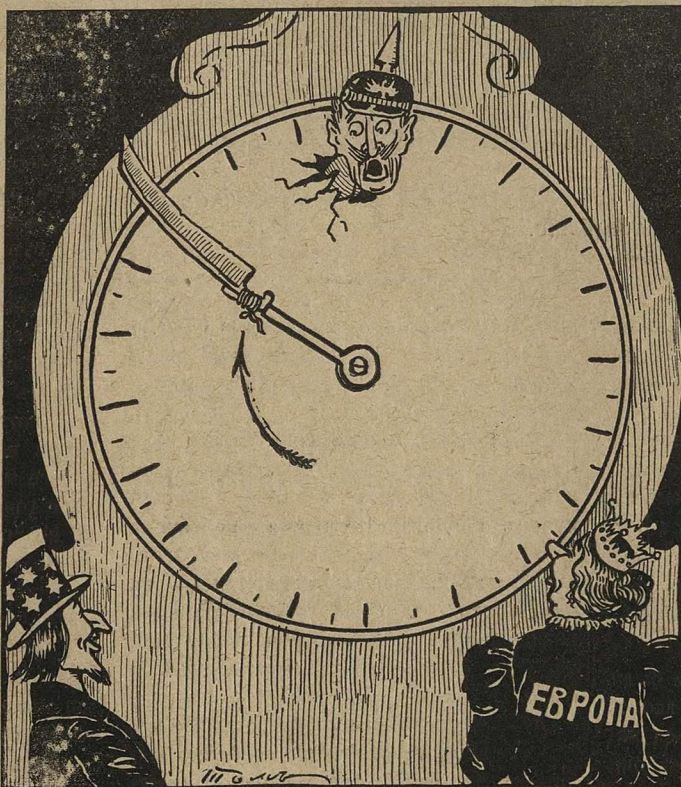
Стобеусъ между тѣмъ сталъ по временамъ притворяться больнымъ, а друзья его постарались добыть для него костюмъ простаго разносчика, приѣмамъ и разговорамъ котораго Стобеусъ началъ учиться.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, онъ счелъ себя способнымъ разгрѣть роль разносчика.

Въ это время медвѣдь былъ убитъ, и Стобеусъ снова прикинулся больнымъ, но на этотъ разъ болѣе серьезно; пущенъ былъ слухъ, что у него гнилой тифъ.

Губернаторъ, до сихъ поръ навѣщавшій его довольно часто, прекратилъ свои визиты изъ боязни заразиться. Было устроено такъ, что, какъ скоро являлся губернаторъ или кто-либо изъ его посланныхъ повидать больного, воздухъ его комнаты становился все зловоннѣе, несмотря на тщательное куреніе можжевеловымъ, уксусомъ и т. п.

Тѣ изъ друзей Стобеуса, которые разыгрывали роль ухаживавшихъ за больнымъ, начали показывать видъ, какъ будто и они захварываютъ, заразившись злою немочью. Наконецъ, они стали рассказывать, что шведскій офицеръ находится при послѣднемъ издыханіи.

Политическій хронометръ. Время — вотъ самый страшный врагъ Германіи въ настоящую войну.

онъ поручилъ помогать женѣ въ управленіи помѣстьемъ, а также пересылку денегъ.

Сначала, повидимому, порученіе это исполнялось добросовѣстно, но въ послѣднее время Стобеусъ совсѣмъ не получалъ извѣстій съ родины и находился въ полной неизвѣстности относительно жены и ребенка.

Онъ уже сталъ думать, не умеръ ли кто-нибудь изъ нихъ, а можетъ быть, и оба, какъ одинъ изъ товарищей, получившій письмо съ родины, сообщилъ ему, что въ Швецію распущенъ слухъ, будто Стобеусъ умеръ въ Россіи.

Узнавъ объ этомъ, Стобеусъ началъ тосковать душею прежняго, чуя что-то

На родинѣ гуркасовъ-индѣйскихъ солдатъ Англіи. Своеобразное кладбище.

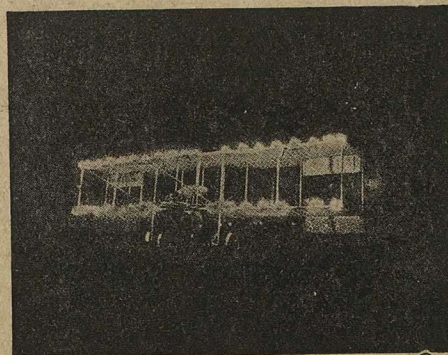
На слѣдующую ночь трупъ медвѣдя, уже начавшій разлагаться, былъ вытаскнъ изъ погреба, одѣтъ въ ночное платье Стобеуса и положенъ на его кровать; на голову ему нахлобучили ночной колпакъ и морду повернули къ стѣнѣ. Самъ Стобеусъ скрылся на это время въ заранее приготовленномъ убѣжищѣ.

На слѣдующій день о его смерти сообщили губернатору и послѣдній прислалъ двухъ чиновниковъ удостовѣриться въ томъ.

Но уже въ дверяхъ посланные были ошеломлены такимъ страшнымъ зловоніемъ, что должны были вернуться назадъ; зажавши носъ лѣвою рукою, они въ ужасѣ указывали правою на постель, говоря, что слишкомъ хорошо убѣдились въ смерти офицера. Они велѣли зарыть тѣло какъ можно скорѣе. Это приказаніе было немедленно исполнено, и друзья Стобеуса, естественно желавшіе оказать послѣдній долгъ своему несчастному земляку, не хотѣли никого подпускать къ его тѣлу, да ни у кого и не было особаго желанія отбивать у нихъ эту честь. Они положили медвѣжій трупъ въ гробъ и тотчасъ заколо-тили его. Въ тотъ же самый день состоялись похороны, на которыхъ присутствовали всѣ шведскіе плѣнные, увѣренныя, что дѣйствительно хоронятъ Стобеуса. Пока шла эта церемонія, послѣдній, переодѣтый русскимъ раз-носчикомъ, успѣлъ скрыться. Подражая ухваткамъ и рѣчамъ странствующихъ торговцевъ, онъ нарочно направился не

прямо въ Финляндію, а чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, пошелъ окольными путями по Россіи. Преодолевъ много опасностей быть открытымъ, онъ черезъ годъ кое-какъ добрался до Петрограда, гдѣ его пріютилъ въ своемъ домѣ жившій въ Петроградѣ богатый финскій купецъ Гарлинъ. Во время пребыванія у него Стобеуса, купецъ вернулся однажды домой сильно встревоженнымъ, съ извѣстіемъ, что подѣ странствующимъ разносчикомъ заподозренъ шведскій офицеръ, какъ то на самомъ дѣлѣ и было.

Тогда женѣ Гарлина, благодаря тому, что офицеръ не отличался особенно высокимъ ростомъ и отъ трудовъ и лишений поотощалъ за время своихъ скитаний, пришло въ голову переодѣть его

По случаю потопленія Лузитаніи обнаглѣвшіе нѣмцы пустили надъ Берлиномъ иллюминированный аэропланъ.

нянкой своего ребенка. Нужда всему научить. Когда часа черезъ два явилась полиція съ обыскомъ, подозрѣваемаго разносчика въ домѣ уже не оказалось, а на его мѣсто пріѣхала финка няни, которую Гарлины уже давно поджидали. Власти были сбиты съ толку одеждой и чистымъ финскимъ акцентомъ мнимой няни.

Стобеусъ оставался въ семьѣ Гарли-на еще нѣсколько времени въ этомъ костюмѣ.

Наконецъ, въ 1716 году, ему при помощи друзей удалось бѣжать, на этотъ разъ уже въ мужскомъ костюмѣ, въ Финляндію, гдѣ уже читалась бумага, увѣдомлявшая отъ имени русскаго правительства о бѣгствѣ одного изъ шведскихъ плѣнниковъ.

Изъ Финляндіи онъ безъ труда про-брался въ Швецію.

Еще задолго до этого, слухи о его смерти, носившіеся на родинѣ, были подтверждены официальнымъ сообще-ніемъ русскихъ властей.

Жена его, нѣсколько лѣтъ не полу-чая отъ него никакихъ извѣстій, такъ какъ письма его перехватывались Гил-ленстеномъ, была вполне убѣждена въ его смерти.

Въ виду своего одиночества и озабо-чиваясь будущей судьбой своего сына, она, хотя и противъ воли, изъявила со-гласіе на бракъ съ мнимымъ другомъ своего мужа Гилленстеномъ, который не переставалъ ухаживать за нею съ сама-го возвращенія ея изъ Россіи.

Въ описываемую пору молодая вдо-ва проживала въ помѣстьѣ своего су-пруга, въ Вестерготландѣ.

Здѣсь, сдаваясь на неотступныя мольбы пріѣхавшаго къ ней Гилленсте-на, она принуждена была назначить день своей свадьбы.

Въ эту самую минуту, какъ разъ во-время, чтобы спасти счастье своего до-ма, Стобеусъ внезапно вошелъ въ ком-нату, точно прибывшій съ того свѣта.

Изъ его груди вырвался невольный крикъ гнѣва и боли при видѣ предста-вившагося его глазамъ.

Жена его безъ чувствъ упала на ди-ванъ, считая его за привидѣніе, тогда какъ Гилленстенъ, вскочившій на ноги, остановился въ оцѣпенѣніи, снѣдаемый стыдомъ, передъ другомъ, довѣріемъ котораго онъ такъ страшно злоупотре-билъ.

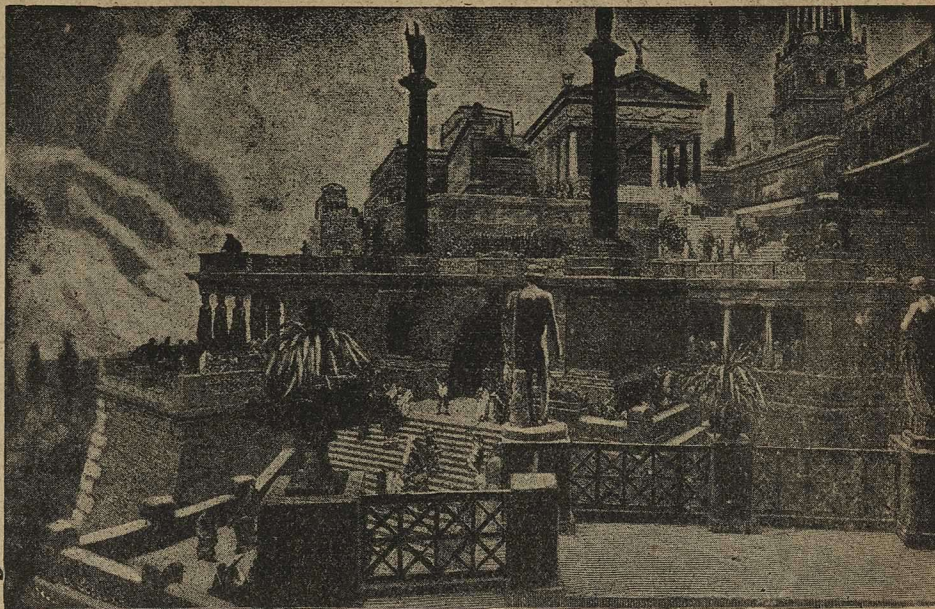
Жалкій трусъ, захваченный на мѣстѣ преступления, тщетно искалъ въ себѣ мужества отвѣтить на обвиненія, сы-павшіяся на него со стороны жестоко оскорбленнаго супруга.

Стобеусъ со срамомъ прогналъ пре-дателя изъ дома, гдѣ тотъ рассчитывалъ уже поселиться на правахъ хозяина.

Можно себя представить положеніе жены Стобеуса при появленіи мужа, котораго она уже давно считала погибшимъ и неожиданный и какъ разъ кста-ти подоспѣвшій пріѣздъ котораго освободилъ ее изъ сѣтей, грозившихъ навсегда разрушить ихъ супружеское счастье.

Стобеусъ прожилъ нѣсколько счастливыхъ лѣтъ со своей женой, не забывая при этомъ своихъ товарищей по несчастью, оставшихся въ Архангельскѣ.

Онъ снабжалъ ихъ деньгами, насколько то допускали его средства, значительно уменьшившіяся за время хоз-зяйничанья его вѣроломнаго друга.

Пожаръ древняго Рима въ дни нашествія варваровъ.

Въ послѣдней записи отъ 1-го іюня 1783 года говорится:

«Путевыя издержки на зимнія квар-тиры и обратно.

Сумма эта покрыта изъ собственныхъ моихъ средствъ, я привезъ съ собою деньги изъ Виргиніи — 1.065 фунтовъ стерлинговъ 1 шил.»

Эти отмѣтки составляютъ цѣлую исторію американской войны за освобо-жденіе и представляютъ блестящее до-казательство честности и строгаго со-знанія долга Вашингтона.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВАШИНГТОНѢ.

Недавно въ Нью-Йоркѣ найденъ ин-тересный историческій документъ.

На углу улицъ Rose и Daune въ на-стоящее время возвышается палладо съ типографіей.

На стѣнѣ рельефъ и надпись, изъ ко-торой видно, что нѣкогда одна семья держала здѣсь сахарный заводъ, въ ко-торомъ во время американской войны за независимость помѣщалась британ-ская тюрьма.

Въ новомъ роскошномъ зданіи оста-лись еще нѣкоторыя изъ прежнихъ оконъ, старые кирпичи превосходно со-хранились, они тверды, какъ скалы, а замазка, въ которую, говорятъ, примѣ-шивался сахаръ, несокрушима.

Мѣстность носила прежде названіе Monkey Hill, такъ какъ торговцы обезья-нами помѣщали здѣсь въ старыхъ под-валахъ и погребяхъ свой живой товаръ, вымѣненный ими у матросовъ.

При сломкѣ стараго зданія нашли цѣ-лый рядъ интересныхъ документовъ, относящихся къ американской войнѣ, а подъ одной балкой, на которой выросла пыль въ дюймъ толщины, оказался счетъ, написанный Георгомъ Вашинг-тономъ «по расходамъ, сдѣланнымъ для Соединенныхъ Штатовъ, начиная съ іюня мѣсяца 1775 года до конца іюня 1783 года».

Здѣсь добросовѣстно занесена вся-кая малость, затраченная національнымъ героемъ на пользу республики въ те-ченіе восьми лѣтъ войны.

Первая статья этого историческаго счета гласитъ: «Іюня, 1775 года, закупка лошадей (изъ которыхъ двѣ зяты у мистера Джемса въ долгъ) для меня и для людей, состоящихъ на службѣ лично у меня — 239 фунтовъ стерлин-говъ».

СКОБЕЛЕВЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Необходимость обезопасить отъ раз-бойниковъ-туркменъ наши торговыя сношенія въ Закаспійскомъ краѣ, а так-же наши владѣнія въ этомъ районѣ и подчинившіяся намъ племена туркменъ

побудила наше правительство предпри-нять экспедицію въ степь, главнымъ об-разомъ, для прочнаго занятія страны по-средствомъ подчиненія намъ этихъ ко-чевниковъ.

Экспедиція, предпринятая въ 1879 г., не достигла предполагаемой цѣли. Вой-ска наши неожиданно встрѣтили упор-ное сопротивленіе текинцевъ, укрѣпив-шихся въ Геокъ-Тепе.

Недостаточно было также перево-зочныхъ средствъ и пришлось отойти.

Крайнимъ пунктомъ, оставшимся въ нашихъ рукахъ, былъ Дузлу-Олумъ на р. Сумбарѣ.

Текинцы еще сильнѣе укрѣпились въ Геокъ-Денгиль-Тепе.

Наше правительство рѣшило возоб-новить наступательныя дѣйствія въ мар-тѣ 1880 г. назначило генераль-адъютан-та Скобелева начальникомъ войскъ въ Закаспійскомъ краѣ.

Съ этого времени начинается смѣлое движеніе; оно потребовало громаднхъ усилій и средствъ, много времени. Въ пустынь нѣтъ возможности добывать продовольствія, а все должно быть до-ставлено изъ Россіи.

На поляхъ Сербіи.

Задача предстояла весьма трудная. Нужно было устроить правильную перевозку по Каспийскому морю, пристань в Михайловском заливе, а оттуда по направлению к Кизыль-Арвагу желѣзную дорогу в степи, гдѣ нѣтъ никаких матеріаловъ для постройки и слѣдовательно, приходилось провозить все, до послѣдняго гвоздя. Необходимо было еще собрать до 20,000 верблюдовъ для перевозки тяжестей; нельзя было рассчитывать получить такое количество у ближайшихъ туркменъ и собрать ихъ приходилось издалека. Все лѣто и часть осени употреблены были на эти распоряженія.

И вотъ уже сформированный отрядъ двинулся изъ Дузь-Олума и занялъ Хожламы-Кала и укрѣпленіе Баи, расположенное между Красноводскомъ и Геокъ-Тепе.

1 іюля генераль-адъютантъ Скобелевъ, во главѣ передового отряда, лично двинулся къ Геокъ-Тепе, произвелъ рекогносцировку, не смотря на массы текинцевъ, встрѣтившихъ отрядъ; затѣмъ генераль Скобелевъ вернулся въ Баи.

Покуда мы готовились нанести рѣшительный ударъ, текинцы съ мая по декабрь постоянно тревожили войска и нападали на наши транспорты и команды. Всѣ эти нападенія были блистательно отражены, но, конечно, были сопряжены съ потерями. Съ нашей стороны къ началу декабря заняты были нашими войсками нѣсколько пунктовъ — Арчманъ, Дурунъ и друг. Ихъ приводили въ оборонительное положеніе и снабжали запасами.

Въ первыхъ числахъ декабря генераль Скобелевъ снова произвелъ успѣшную рекогносцировку Геокъ-Тепе и 8 декабря къ отряду Скобелева присоединился полковникъ Куропаткинъ, пришедшій изъ туркестанскаго военнаго округа съ небольшимъ отрядомъ и совершившій въ 18 дней тяжелый переходъ въ 400 верстъ пустыней, отъ низовья Аму-Дарьи, черезъ колодцы Игды и Кизыль-Арватъ.

12 декабря была произведена 3-ья рекогносцировка Геокъ-Тепе, которая, не смотря на отчаянные нападенія скопищъ текинцевъ, доходившихъ до 20,000 чел. встрѣтившихъ нашъ отрядъ впереди Геокъ-Тепе — вполне удалась.

20 декабря былъ предпринятъ штурмъ укрѣпленнаго селенія Янги-Кала, лежащаго въ 950 саженьяхъ къ югу отъ Геокъ-Тепе. Штурмъ былъ произведенъ одновременно съ двухъ сторонъ.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКОЕ ВОЙСКО.

1. 2. 3. 4. 5. 6.

1. Копьеносецъ. 2. Пращеносецъ. 3. «Топорникъ». 4. Стрѣлокъ пѣшій. 5. Стрѣлокъ конный. 6. Трубочь.

Текинцы устроили завалы и наводнили мѣстность. Они были разбиты наголову, обративъ въ бѣгство и понесли огромныя потери, попавъ подъ огонь всей артиллеріи главныхъ силъ и будучи, вдобавокъ, атакованы казаками. Наши войска тотчасъ заняли Янги-Кала, которое текинцы нѣсколько разъ пытались отбить обратно, нападая громадными массами. Затѣмъ приступили къ осадѣ.

Закладка параллелей и веденіе подступовъ подъ Геокъ-Тепе сопровождалась отчаянными вылазками текинцевъ, старавшимися подавить насъ численностью и яростью добившихся рукопашнаго боя, въ которомъ численный перевѣсъ играетъ громадную роль. Но наши войска отлично понимали это и употребляли всѣ усилія отбивать атаки текинцевъ огнемъ, что, впрочемъ не всегда останавливало отчаянныхъ текинцевъ.

СОЛДАТЫ ВСѢХЪ СТРАНЪ МІРА.

Воины Патагоніи.

кменъ врывающихся въ наши ряды. Генераль Скобелевъ послѣ упорнаго боя, заложилъ 1 параллель 23 декабря въ 800 шагахъ отъ главной ограды Геокъ-Тепе. Успѣхъ этотъ былъ омраченъ смертью генерала Петрусевича, одного изъ лучшихъ помощниковъ генерала Скобелева. Туркмены подкрѣпленные 10 тысячами отборныхъ воиновъ изъ Мерло, дрались крайне упорно.

Особенною силой и упорствомъ отличался бой въ ночь съ 30 на 31 января, когда

текинцы въ громадныхъ массахъ произвели въ 8½ часовъ вечера нападеніе на наши работы съ фронта и съ лѣваго фланга а также атаковали нашъ лагерь съ тыла праваго и лѣваго фланговъ.

Бой длился за 12½ часовъ ночи.

Въ 11½ часовъ утра подполковникъ Гайдоровъ занялъ съ боя передовое укрѣпленіе и въ немъ утвердился.

Въ 11½ часовъ взорвана мина въ 125 пудовъ пороха, заложенная подъ валомъ восточнаго фронта, засыпавшая нѣсколько сотъ защитниковъ. Взрывъ этой мины послужилъ сигналомъ для атаки колоннамъ Куропаткина и Козенкова.

Обвалы были заняты въ 10 минутъ.

Началась кровопролитная, рукопашная свалка, такъ что пришлось двинуть укрѣпленія изъ резерва, причемъ часть войска штурмовала необрушенную часть стѣны помощью лѣстницъ.

Около 2 ч. по полудни колонна Гайдара, по лѣстницамъ поднялась на юго-западную неразрушенную часть стѣны.

Защитники на валахъ были всѣ перебиты. Бой загорѣлся внутри укрѣпленія. Въ два часа пополудни, войска наши заняли командующій всею крѣпостью редутъ и мы были полными обладателями крѣпости.

Непріятель бѣжалъ, бросивъ лагерь, имущество и семейства свои.

Героическая осада и героическое сопротивленіе!

Нельзя не отдать справедливости и врагамъ, которые дрались съ необыкновеннымъ, въ средней Азіи, упорствомъ, проявляя при этомъ доблести, дѣлающія честь и цивилизованнымъ арміямъ.

Послѣ штурма Геокъ-Тепе, войска наши преслѣдовали туркменъ 15 верстъ. Затѣмъ передовой отрядъ, выступившій изъ Геокъ-Тепе 16 января, занялъ 18-го безъ боя Асхабадъ, лежащій въ 40, приблизительно, верстахъ восточнѣе Геокъ-Тепе.

Семинадцатилѣтній вождь.

(Изъ прошлаго Америки).

Это было во-второй половинѣ XVI вѣка, то-есть въ періодъ испанскаго нашествія на Америку.

Донъ Педро де-Валдивія, губернаторъ и завоеватель Чили, только что утвердилъ, послѣ десятилѣтнихъ усилій, испанское владычество на берегахъ Тихаго океана до Андскихъ горъ.

Повсюду индѣйцы были побѣждены, подавлены, разсѣяны, истреблены бѣлыми людьми, повелѣвающими громомъ, повсюду подпали они подъ самое тяжкое иго.

Только на югѣ гордые арауканцы не сдвигались побѣдителю и успѣшно отстаивали свою независимость.

Смѣлые арауканскіе войны держали чилийскую колонію подъ вѣчнымъ страхомъ, не давая ей покоя своими грозными набѣгами.

Валдивія отражалъ ихъ всякій разъ, но никакъ не могъ побѣдить ихъ окончательно.

Будь у арауканцевъ несмѣняемый король, какъ у мексиканцевъ или у перуанцевъ, испанскій полководецъ вѣроятно сдѣлалъ бы попытку привлечь его на свою сторону и изъ врага превратить въ друга; но арауканцы представляли собою аристократическую республику; вся территория ихъ раздѣлялась на четыре независимыя тетрархіи и носила общее названіе Аръ-аука, то-есть земля свободныхъ людей.

Во главѣ каждой тетрархіи стоялъ токви или независимый вождь; тетрархіи подраздѣлялись на провинціи, управляемыя ульменами, а провинціи на округа, которыми управляли младшіе вожди или каики.

Четыре токви составляли верховный совѣтъ республики, но не могли предпринять ничего важнаго, какъ наприкладъ, объявить войну или заключить миръ, безъ согласія свободнаго совѣта или аукаояга, въ которомъ имѣлъ право участвовать каждый воинъ.

Такова была организація Арауканіи въ мирное время.

Въ военное четыре токви мирныхъ уступали мѣсто одному военному токви, избираемому аукаоягомъ; власть этого токви имѣла лишь одно ограниченіе: онъ не имѣлъ права казнить смертью никого, ни даже самаго послѣдняго изъ своихъ солдатъ.

Съ окончаніемъ войны власть военнаго токви прекращалась сама собою.

Разумѣется, дону Педро де-Валди-

віи нечего было и думать о томъ, чтобы обольстить не одно лицо, а цѣлый воинственный народъ, ненавидѣвшій чужеземца.

Вслѣдствіе этого испанскій полководецъ вынужденъ былъ сосредоточить противъ арауканцевъ всѣ свои усилія.

Война была жестокая.

Поражаемые огнестрѣльнымъ оружіемъ арауканцы и ихъ вожди падали какъ колоса, подкошенные бурей; но на мѣсто павшихъ рядовъ становились новые и по-прежнему стойко встрѣчали врага.

Въ числѣ плѣнныхъ арауканцевъ испанскій полководецъ отличилъ одного молодого человѣка шестнадцати лѣтъ, при взятіи его въ плѣнъ черезъ засаду обнаружившаго рѣдкую доблесть.

На улицахъ турецкой Смирны.

Этотъ арауканецъ, по имени Лаутаро, обладалъ удивительнымъ для своихъ лѣтъ хладнокровіемъ и замѣчательнымъ умомъ.

Въ надеждѣ привязать его со временемъ къ себѣ, Валдивія приблизилъ къ себѣ юнаго плѣнника и сталъ обращаться съ нимъ какъ съ пріемнымъ сыномъ.

Молодой индѣецъ постепенно утратилъ свою непримиримую ненависть къ

испанцамъ и къ дону Педро относился съ искреннею признательностью за ласковое обращеніе.

Испанскій полководецъ уже мечталъ о томъ, какъ онъ приобрѣтаетъ себѣ неизмѣнно-вѣрнаго союзника въ не-пріятельскомъ лагерѣ, какъ вдругъ на лагерь испанцевъ въ сотый разъ напали арауканцы.

По обыкновенію мушкеты и артиллерія уже готовились опять восторжествовать надъ краснокожими, но вдругъ Лаутаро вырвался изъ-подъ слабаго надзора, подъ которымъ состоялъ, вмѣшался въ сѣчу, пробрался къ своимъ, всталъ во главѣ резервнаго отряда и, воспользовавшись знакомствомъ съ испанскимъ лагеремъ, направилъ своихъ воиновъ на самое слабое мѣсто.

Испанцы были обойдены, окружены и понесли полное пораженіе.

Всѣ они погибли до единаго.

Донъ Педро де-Валдивія былъ еще живъ, но въ ту минуту, когда къ нему уже спѣшили, чтобы спасти его, Лаутаро, маститый полководецъ упалъ съ расколотымъ черепомъ.

Арауканскій токви тоже былъ убитъ.

Опьяненные побѣдой войны единогласно провозгласили Лаутаро его замѣстителемъ, не посмотрѣвъ на крайнюю молодость своего героя.

Такимъ образомъ, семнадцатилѣтній юноша очень скромнаго происхожденія сдѣлался верховнымъ вождемъ всѣхъ военныхъ силъ независимаго государства.

Впрочемъ, онъ не потерялъ головы и съ умѣlostью опытнаго полководца воспользовался энтузіазмомъ своихъ войскъ для того, чтобы водворить среди нихъ самую строгую дисциплину, которой еще больше чѣмъ огнестрѣльному оружію испанцы были обязаны своими побѣдами.

Теперь молодому герою оставалось доказать свои военныя способности.

Случай вскорѣ представился.

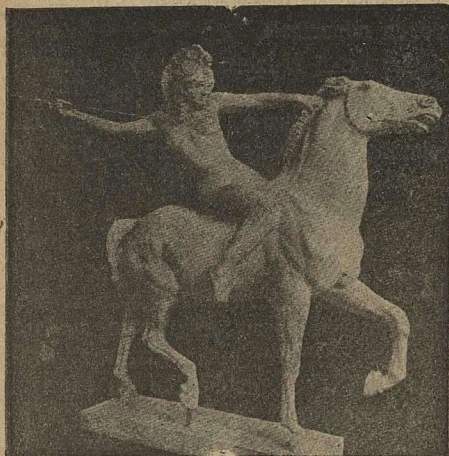
Какъ ни велико было пораженіе и избіеніе испанцевъ при Тукапелѣ, двоимъ все-таки удалось убѣжать въ городъ Конселсионъ, гдѣ стоялъ генераль Вилла-Гранъ съ значительными силами.

Онъ сейчасъ же двинулся противъ арауканцевъ, чтобы отомстить за товарищей.

Лаутаро выступилъ ему навстрѣчу и, выбравъ удобную позицію, остановился ждать непріятеля.

Позиція Лаутаро представляла узкое ущелье съ трудно доступными боками, сзади примыкавшее къ высокому плоскогорію.

Лаутаро, имѣвшій понятіе о страшномъ дѣйстви огнестрѣльнаго оружія на индѣйцевъ, ничуть не разсчитывалъ

Амазонка.

побѣдить испанскую армію въ одномъ сраженіи.

Онъ раздѣлилъ свое войско на два отряда; одинъ отрядъ онъ поставилъ у входа въ ущелье, а второй сосредоточилъ на плоскогоріи.

Кромѣ того, предусмотрительный молодой вождь оставилъ при себѣ еще отборную небольшую дружину, предназначенную для рѣшительнаго удара.

Отрядъ, оставленный на плоскогоріи, подчинился навязанной ему выжидательной роли не безъ ропота. Много усилій потребовалось со стороны Лаутаро для того, чтобы отстоять свой планъ.

Но вотъ вдали засверкали панцири испанцевъ. Часъ сраженія наступилъ.

Первый арауканскій отрядъ, воспламененный примѣромъ своего юнаго героя, безстрашно выдержалъ напоръ враговъ и нанесъ имъ чувствительныя потери.

Онъ не отступилъ ни на шагъ, не взирая на ужасный артиллерійскій огонь. Если бы Лаутаро выдвинулъ теперь свои резервы, испанцы вынуждены бы были отступить. Но Лаутаро желалъ кое-чего побольше обыкновенной побѣды.

Видя, что первый отрядъ уже выбился изъ силъ, Лаутаро приказалъ ему отступать. Съ крикомъ торжества испанцы устремились въ ущелье, прошли его и на противоположномъ концѣ наткнулись на второй арауканскій отрядъ:

Привычные къ побѣдамъ испанскіе солдаты смѣло пошли на штурмъ плоскогорія.

Въ это время Лаутаро отдалъ своей отборной дружинѣ приказъ идти кругомъ и занять входъ въ ущелье, а самъ принялъ команду надъ первымъ отрядомъ, возстановилъ въ немъ порядокъ и всталъ въ резервъ. Вторая половина боя была еще жарче первой.

Вилла-Гранъ выстроилъ батарею изъ картечницъ и громилъ арауканцевъ. Тогда Лаутаро, внѣ себя отъ ярости, кинулся съ резервомъ на испанцевъ и въ одну минуту взялъ батарею.

У Вилла-Грана мелькнула впервые мысль о возможности пораженія. Онъ распорядился послать полусотню для занятія боковъ ущелья и лично повелъ свои войска въ атаку. Вдругъ онъ услышалъ сзади выстрѣлы. Скорѣе удивленный, чѣмъ обезпокоенный, онъ поскакалъ туда, а Лаутаро воспользовался этимъ и усилилъ наступленіе на испанцевъ. Тѣ не выдержали и начали поспѣшно отступать на всѣхъ пунктахъ, разсчитывая остановиться у горжи ущелья и тамъ дать отпоръ врагу.

Но горжа оказалась занятою тѣмъ отборнымъ отрядомъ, который былъ посланъ туда раньше и успѣлъ истребить взводъ, отправленный Вилла-Граномъ слишкомъ поздно.

Испанцы увидѣли, что все погибло. Ряды ихъ дрогнули и разстроились. Арауканцы какъ бѣшеные бросились на нихъ и произвели безжалостное истребленіе. Только Вилла-Грану и нѣсколькимъ офицерамъ удалось предложить себѣ дорогу и спастись бѣгствомъ.

Не давая испанцамъ опомниться, Лаутаро двинулся на городъ Консепсіонъ, взялъ его, разграбилъ и расположилъ тамъ свою главную квартиру.

Его военный геній подсказывалъ ему, что слѣдуетъ пользоваться побѣдой и идти впередъ, но войска его громко требовали отдыха.

Юный вождь имѣлъ слабость уступить и отвелъ своихъ воиновъ домой. Наступило время мира, и полномочія Лаутаро прекратились. Изъ всемогущаго токви онъ сдѣлался простымъ гражданиномъ.

Съ возвращеніемъ къ мирной жизни въ молодомъ человѣкѣ проснулось чувство, которое прежде находилось у него лишь въ зачаточномъ состояніи. У Лаутаро была сверстница по имени Аиллаль, красивая дѣвушка, дѣлившая съ нимъ нѣкогда дѣтскія игры.

Лаутаро питалъ къ ней самую нѣжную привязанность. Когда онъ вернулся съ войны прославленнымъ героемъ, Аиллаль почти не смѣла поднять на него глазъ, но Лаутаро не забылъ ея.

Напротивъ, любовь къ прелестной дѣвушкѣ вспыхнула въ немъ съ новою силою и онъ обратился къ ея отцу съ обычнымъ предложеніемъ.

Разумѣется, побѣдитель при Тукапелѣ и покоритель Консепсіона не могъ встрѣтить отказа. Лично онъ былъ крайне бѣденъ, но его друзья, а ихъ

было много: вся нація, доставили ему все необходимое, какъ свадебный даръ.

По арауканскому обычаю Лаутаро похитилъ Аиллаль, впрочемъ, съ полнаго разрѣшенія ея отца. Похищеніе состоялось ночью; Лаутаро съ друзьями подѣхалъ къ хижино, выкралъ дѣвушку и бѣшенымъ галопомъ умчался съ нею въ сосѣдній лѣсъ.

Не долго, однако, Лаутаро наслаждался медовымъ мѣсяцемъ. По приказанію изъ Сантіаго городъ Консепсіонъ былъ вновь занятъ испанцами и наскоро отстроенъ.

При этомъ извѣстіи свободный совѣтъ арауканцевъ постановилъ возобновить войну и опять выбралъ Лаутаро великимъ токви. Трудно было молодому супругу разстаться съ своей ненаглядной Аиллалью, и онъ, вопреки обычаю, взялъ ее съ собой въ походъ.

Арауканская армія двинулась на Консепсіонъ, взяла его снова и подъ предводительствомъ все того же юнаго вождя выступила дальше. Лаутаро задумалъ — ни много, ни мало — взять Сантіаго и уничтожить всю армію бѣлыхъ. Это было очень возможно въ виду того, что испанцы были уже значительно ослаблены, но тутъ молодой побѣдитель, къ счастью для нихъ, совершилъ непоправимую ошибку.

Одно изъ большихъ индѣйскихъ племенъ въ южной Чили вступило въ союзъ съ испанцами. Лаутаро, теряя драгоценное время, задумалъ наказать это племя и началъ опустошать его землю и жечь деревни. Тѣмъ временемъ Вилла-Гранъ усилилъ свои войска и укрѣпилъ Сантіаго. Считая излишнимъ выступать самому противъ арауканскаго токви, испанскій главнокомандующій выслалъ противъ него одного изъ своихъ подчиненныхъ; Лаутаро разбилъ этого генерала наголову; тогда Вилла-Гранъ выслалъ другое войско подъ начальствомъ своего сына, но и генеральскій сынъ потерпѣлъ совершенное пораженіе. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Вилла-Гранъ рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы сломить, наконецъ, арауканцевъ. Собравши всѣ наличныя войска, онъ на этотъ разъ выступилъ въ походъ самъ. Между тѣмъ, Лаутаро, считая себя вполне обезпеченнымъ послѣ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ испанцами, передалъ команду подручнымъ вождямъ, а самъ всецѣло занялся продолженіемъ своего прерваннаго медоваго мѣсяца.

О любовь! Ты погубила Трою!

Дисциплина въ арауканскомъ войскѣ ослабѣла. Лагерь охранялся небрежно. Однажды ночью испанцы подкрались и окружили арауканцевъ. Раз-

буженный Лаутаро выскочилъ изъ палатки, собралъ воиновъ. Завязалась битва. Неизвѣстно, на чьей сторонѣ осталась побѣда, но вдругъ шальная пуля поразила Лаутро въ смуглую грудь и онъ упалъ замертво.

Смерть вождя послужила сигналомъ къ полному разстройству арауканцевъ. Они потерпѣли жесточайшее пораженіе. Много ихъ труповъ легло возлѣ трупъ ихъ молодого вождя.

Аиллалъ умерла въ плѣну.

Русско-прусскія отношенія при Екатеринѣ II.

Безусловная «поклонница» прусскаго короля, Екатерина II, какъ видно изъ ея переписки, относилась къ нему болѣе чѣмъ скептически.

По собственному заявленію, она не прочитала сочиненій Фридриха II далѣе 17-й страницы, потому что нашла въ нихъ одну «отъявленную ложь».

Въ перепискѣ съ Гриммомъ, императрица называетъ короля не иначе, какъ Иродомъ.

Когда, однажды, Дидро на вопросъ Екатерины, почему онъ не любитъ Фридриха, отвѣтилъ: «онъ хорошій государь, но дурной человѣкъ и фальшивый монетчикъ», Екатерина улыбнулась и сказала: «да, и на мою долю досталось нѣсколько фальшивой монеты».

Другой разъ, въ письмѣ къ гр. Кейзерлингу, писанномъ въ концѣ 1762 г., императрица говорила: «не знаю, чего онъ ожидаетъ себѣ отъ такого образа дѣйствій, но признаюсь, что какъ онъ самъ, такъ и его поведеніе претягъ мнѣ ужасно».

Также точно относился къ Фридриху и Панинъ, яко-бы тоже увлекавшійся королемъ-философомъ.

Въ его интимной перепискѣ въ изобилии находятся доказательства самаго глубокаго недовѣрія къ политикѣ Фридриха.

Такъ, въ 1762 г. онъ предписалъ русскому послу въ Константинополь заявить Портѣ, что «король прусскій уже всѣми державами признается всенароднымъ возмутителемъ», поручаетъ внимательно наблюдать за всѣми дѣйствіями его агентовъ, безъ всякой афектаціи, мимоходомъ, высказывается, что на случай серьезныхъ затрудненій Австріи, Россія не дастъ прусскому королю еще усилить эти затрудненія, удержитъ его.

Въ Англіи въ дни войны. Послѣ военныхъ упражненій молодые британскіе офицеры съ увлеченіемъ играютъ въ мячъ. Въ здоровомъ тѣлѣ и духъ бодръ. (Фотографія французскаго журнала).

Замѣчая со стороны Фридриха что-нибудь несоотвѣтствовавшее видамъ Россіи, Панинъ самымъ настойчивымъ образомъ требовалъ отъ Фридриха прекращенія такого рода дѣйствій и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не добивался своего. Панинъ прекрасно понималъ «ложь», хитрую политику короля, и потому никогда не придавалъ особеннаго вниманія его дружескимъ увѣреніямъ.

Говоря кн. Репнину о русскомъ вліяніи въ Польшѣ, онъ писалъ: «можно смѣло положить, что зависть его къ нашей инфлюэнціи останется скрыта во внутренности сердца его», что онъ непременно будетъ вести противъ насъ какія-нибудь потаенные происки, которыхъ, впрочемъ, нечего особенно опасаться, но которые надо постоянно имѣть въ виду.

Архивные лоскутки.

День Седанской битвы стоилъ большихъ жертвъ, не однимъ только французамъ и нѣмцамъ, но и ни въ чемъ неповинной нью-іоркской газетѣ «Трибуна».

По словамъ этой послѣдней, она израсходовала въ этотъ день 17,750 долларовъ, или 35,500 рублей, изъ нихъ 6,000 долларовъ за телеграфныя свѣдѣнія о битвѣ при Седанѣ, 1,750 долл. — за извѣстія о разговорѣ Бисмарка съ Наполеономъ III и 10,000 долл. за корреспонденціи.

За время съ 28-го іюля по 3-е октября «Трибуна» уплатила военнымъ корреспондентамъ и телеграфнымъ компаніямъ 56,000 долларовъ, или 12,000 рублей.

ГЕРМАНІЯ: Сухой-бы я корочкой питалась,
Воду холодную пила:

Тобой-бы я, милый, любовалась
И тѣмъ-бы счастлива была!

Требуите у всѣхъ газетчиковъ и на станціяхъ жел. дор.

„20-й ВѢКЪ“

РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ и РИСУНКИ

ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 6 коп.